

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

**В. П. Булдаков,
П. П. Марченя,
С. Ю. Разин**

Международный круглый стол
«Народ и власть в российской
смуте»: 4-я часть

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Narod_i_vlast-4.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Круглый стол

Владимир БУЛДАКОВ, Павел МАРЧЕНЯ, Сергей РАЗИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «НАРОД И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ СМУТЕ»

4-я часть

начало в № 4–6 за 2010 год

В.П. Булдаков:

Хочу заметить, что капитал в предреволюционной России был весьма пестрым. Одно дело — московский капитал, другое дело — петербургский, третье — иностранный. Кстати, московский погром 1915 г. в значительной степени был спровоцирован не только «патриотизмом», но и представлениями том, что «чужие» (немецкие) предприниматели ведут себя по отношению к русским особенно дурно.

Е.И. Демидова:

Исключительно важным представляется изучение внешних и внутренних изменений, которым в ходе революций и смут подвергаются такие важные элементы социума, как, например, система образования. Система образования — особый институт общества, особый механизм воспитания и передачи знаний от поколения к поколению. Она является одним из основополагающих факторов стабильности и поступательного развития общества.

В начале XX в. уровень образованности населения оставлял желать лучшего. Существовавшая система образования носила противоречивый характер. По официальным данным в 1910 г. грамотные составляли лишь 21% от населения России. Расходы на образование были в 2–3 раза меньше, чем в Англии, Германии и даже Бельгии. На начало 1914–1915 уч. года в России насчитывалось 91 высшее учебное заведение, в том числе 8 университетов, остальные — профильные вузы и высшие женские курсы.

Первая мировая война, кризисные явления во всех сферах общества, революционные потрясения 1917 г. резко изменили судьбу всей системы образования. После прихода к власти большевиков кардинально меняется государственная политика в области высшего образования. Работа развернулась по следующим направлениям: подготовка нового устава высшей школы, формирование системы управления вузами, перестройка сети высших учебных заведений, организация отбора в вузы «нужного» контингента. В результате проведенных в первое послеоктябрьское десятилетие преобразований произошло огосударствление высшей школы. Это стало важнейшей предпосылкой для формирования единой системы подготовки квалифицированных и преданных власти специалистов.

Нечто подобное мы наблюдаем сегодня. Система образования реформируется так, что создается впечатление нескончаемости революции и смуты. Многие из нас работают в высшей школе, и мы можем подтвердить, что такая «революция», направленная против устоявшихся традиций и ценностей, неизвестно к чему может привести. Вслед за этим не в лучшую сторону меняется вся система общественных ценностей и сами социальные институты. Это — настоящий удар по культуре.

П.П. Марченя:

Я остановлюсь на тех вопросах, которые изначально были сформулированы ведущим. Начну с того, что народ, как и родителей,

БУЛДАКОВ

Владимир
Прохорович —
д.и.н., старший
научный сотрудник
Института
российской
истории РАН
kuroneko@list.ru

МАРЧЕНЯ

Павел
Петрович —
к.и.н., доцент;
доцент кафедры
философии
Московского
университета МВД
России, доцент
УНЦ «Новая
Россия. История
постсоветской
России» РГГУ
marchenyap@mail.ru

РАЗИН

Сергей
Юрьевич —
старший
преподаватель
кафедры
общественных
наук Института
гуманитарного
образования
и информационных
технологий;
координатор
проекта «Народ
и власть
в российской смуте»
razin_sersei@mail.ru

не выбирают. Чего нельзя сказать о власти. Более того, если народ достаточно четко и долго воспринимает власть как «не свою», то смута неизбежна. Можно выделить определенные исторические маркеры отечественной власти — как отчетливые индикаторы, позволяющие, применительно к Российской империи, совершить процедуру явной демаркации между властью «своей» и властью «чужой». Условно, без особых пояснений: это метафункциональность служения — и субфункциональность обслуживания; это мессианизм — и секулярность; идеократичность — безыдейность; централизованность — раздробленность; авторитарность — компромиссность; единовластие — многовластие; патернализм — партикуляризм; иерархичность — разветвленность... ну, и т.д. То есть, выражаясь научно, это «изоморфность» либо «аморфность» власти. А в народном сознании — это «твердая» и «слабая» власть, или «своя» власть и власть «чужая».

Смуты, на мой взгляд, бывают только в империях. Революции могут происходить в любых государствах. Во-первых, «смута» — это категория, которая предполагает наличие имперского формата. Во-вторых, смута может закончиться революцией, а может — и нет. В этом смысле Смута XVII в. не закончилась революцией. Чисто теоретически мы можем представить революцию и без смуты. Но только не в России. В названии нашего круглого стола есть пара — «народ» и «власть». Там не хватает ключевого слова, третьего элемента — это «империя» как особая форма единения власти и народа в России. Вот она, та самая «русская тройка», которую могут запрягать в свои теоретические построения, в принципе, вне зависимости от своих взглядов, кто угодно: левые, правые, русофобы, русофилы, русисты, россиеведы и т.д.

Для меня имперский формат России — это не масштабность военных пространств и ресурсов, это не экспансивность исторических проявлений и не своеобразие взаимоотношений центра и периферии. Для меня это, прежде всего, наличие всемирно значимой Идеи, которая консолидирует власть и массы, превращая их в единый субъект истории, осознающий свою миссию. Вот это, как мне кажется, как раз и есть то, что называется в России империей. С этой точки зрения Россия — империя и сегодня. Вопрос

в том, здоровая или больная, но все-таки — империя.

Вот, на мой взгляд, ключевой момент, который позволяет понять, почему смута — вовсе не то же самое, что революция. С точки зрения социологического функционализма, смута — это стихийный процесс бегства от дисфункции власти к эвфункции власти. То есть, грубо говоря, от власти, которая стала или кажется «чужой», к власти, которая признается народом «своей». Можно рассматривать этот вопрос с точки зрения органического подхода. Получится, что смута — это иммунная реакция сложноорганизованного имперского организма. Это — многофакторный, болезненный, мучительный процесс отторжения чужеродных элементов (временщиков, самозванцев, всех тех наносных вестернизированных декораций, которые искусственно имплантируются прозападной элитой). Процесс избавления от «чужого» и возвращения к собственным культурным смыслам, к родной, патерналистской власти — это и есть смута с точки зрения органического подхода. Ну а с точки зрения макроистории или метаистории — это процесс, который развивается по логике: от империи, потерявшей право называться с заглавной буквы, к империи, которая вновь претендует на то, чтобы ее писали с большой буквы. Вспомним, как развивались те «великие смуты», которые сейчас уже можно считать фактом нашей историографии.

Смута XVII в., которая задала ключевые параметры всей российской истории Нового времени, началась с того, что были сотрясены основы средневекового Московского царства. Но затем последовало отторжение прозападных элит, которые пытались сотрудничать с интервентами и навязать России «чужой» путь развития. В конечном итоге (в долгосрочной исторической ретроспективе), все закончилось тем, что России был дан толчок к имперскому пути.

Вторая смута (условно назовем ее «модернистской») — смута уже не семнадцатого века, а семнадцатого года, которая обозначила параметры российской истории уже Новейшего времени, — началась с того, что посыпалась по «эффекту домино» вся старая империя. Ибо она уже не справлялась с вызовами современности, не могла более, как раньше, быть движущей силой модернизации в России. Но за-

тем были выкинуты и все либерально-демократические декорации вместе с их носителями. Они предстали коллективным Лжедмитрием и разделили его судьбу. В итоге появилась новая, еще более могучая империя — Советский Союз.

Третью смуту условно можно назвать «постмодернистской». Именно она определяет современность и ближайшее будущее России. Начавшись на исходе тысячелетия, она, как сегодня уже не раз отметили, еще не закончилась. Империя посыпалась. А вот подводить итоги преждевременно. Но давно подмечено: лучший способ предсказать, что еще будет, — это припомнить то, что уже было.

Судьбу каждой смуты решает свой, а не чужой народ. Власть и околовластные элиты зачастую оправдывают неудачи своих действий нехваткой «спокойного времени». Но еще чаще они жалуются на сам народ, который мешает им воплотить в жизнь задуманное. В этом смысле вопрос о том, каким должен быть народ в России, мне кажется бесперспективным. Какой должна быть власть в России? Ответу на этот вопрос история не учит. История, как заметил Ключевский, не учительница, а надзирательница. Она не задает уроки, но наказывает за их невыполнение. У истории есть некий карательный месседж, который конкретно отвечает на вопрос: «Какой власть в России не должна быть?». И первая, и вторая смута убедительно уже ответили на этот вопрос.

Напоследок — небольшое наблюдение. В контексте сказанного взглянем на президентский проект «Россия, вперед!». Налицо попытка обращения к истории: тут и екатерининский «Наказ», и ссылка на петровскую модернизацию, и упоминание о большевиках. Это — с одной стороны. С другой стороны — на каком языке произнесены волшебные слова «вперед»? На языке народа? Каков идеократический компонент имперского формата в сегодняшней России? Что может послужить основой мобилизации масс? Были когда-то идеи: «православие — самодержавие — народность», «коммунизм — партия — советскость»... Что сегодня? Нанотехнологии? Инновации? Благополучие? Прозветание?.. Но ведь это все совершенно не Идея. Массам в принципе не нужны модернизации и инновации — ни при Романовых, ни при Ленине — Сталине, ни при Путине —

Медведеве. Требуется что-то качественно иное. Однако, вопреки исторической логике, одной из главных причин всех проблем Кремль объявляет сегодня патернализм. То есть, чувство Отечества, чувство Родины, чувство семьи, чувство причастности к социальному целому — парадоксальным образом объявлено Злом. Увы, власть по-прежнему не понимает свой народ, не умеет говорить на его языке, не видит в нем подлинный субъект истории. Следовательно, смута в России не закончилась.

В.П. Булдаков:

Верно. Я уже писал не раз о том, что власть у нас занималась и занимается самообеспечением, самообслуживанием. Потому не случайно, что власть нынешняя не в состоянии предложить какую-то консолидирующую и мобилизующую идею. Хотя, на мой взгляд, эта самая Идея напрашивается сама собой. Но я об этом говорить сейчас не буду.

С.Ю. Разин:

Первое. Наши либералы, наши реформаторы начала XX в. всегда жаловались на отсутствие условий, необходимых для проведения реформ: «не то время», «не тот народ», «дайте 20 лет покоя» и т.д. На мой взгляд, в политике побеждает тот, кто соответствует своей стране, своему народу и своему времени.

Второе. Мы стали свидетелями зарождения мифа об удачных реформах Столыпина. Хочу напомнить: первыми, кого пошли громить крестьяне-общинники в 1917 г., были отрубники и хutorяне. Уже один этот факт позволяет говорить о том, общинное крестьянство не приняло столыпинскую аграрную реформу. Идеи, положенные в основу столыпинской аграрной реформы, были прямо противоположны представлениям русского крестьянства о справедливом решении земельного вопроса. Поэтому эта реформа изначально была обречена на ту неудачу, которой она завершилась.

Третье. Сегодня немало пишется и говорится о так называемом «правовом нигилизме» нашего народа. В рамках этих рассуждений правовой нигилизм понимается как отрицание права вообще. Эта мысль прозвучала и сегодня на нашем круглом столе. На мой взгляд, такая позиция носит насквозь европоцентристский характер. Я считаю, что «правовой нигилизм» стоит понимать как отрицание чужого пра-

ва и чужого правосознания, навязанного сверху, навязанного извне. Русская революция начала XX в. является наглядным примером такого отрицания. Фактически в революции традиционное право и традиционное правосознание отвергло навязываемое извне позитивное буржуазно-либеральное право.

Четвертое. Меня всегда интересовал вопрос о том, какая идея стоит за партией «Единая Россия». На мой взгляд, «партия власти» должна быть не только средством консолидации бюрократии и построения «вертикали власти», но и полигоном для выработки стратегии развития страны. До сих пор я ответа на этот вопрос не получил. За годы своего существования «Единая Россия» пыталась позиционировать себя и как либеральная, и как социал-демократическая, и как центристская партия. А теперь она заявляет о себе как о партии российского консерватизма. Складывается ощущение, что у партийных руководителей отсутствует понимание того, что эти идеологические и политические доктрины, рожденные в рамках западной цивилизации, не имеют никакого отношения к российским реалиям.

При этом «Единая Россия» пытается быть больше чем партией. Она старается стать современной копией КПСС, своеобразной руководящей и направляющей силой общества. И все это при неприменной антикоммунистической риторике руководителей «Единой России». Но за КПСС стояла имперская идея в ее коммунистическом варианте. На мой взгляд, сегодня мобилизовать массы сможет только та политическая сила, которая окажется способной сформулировать современный вариант имперской идеи. Ясно, что ни либерализм, ни социал-демократизм (их несостоятельность была наглядно продемонстрирована в ходе смуты начала XX в.), ни консерватизм для этого совершенно не годятся. У «Единой России», как, впрочем, и у любой другой политической силы, сегодня нет ничего похожего на современный вариант имперской идеи.

Поэтому власти постоянно приходится использовать административный ресурс. Приходится выдавать за успех, за всеобщую поддержку безразличие «безмолвствующего большинства», прекрасно понимающего, что выборы — это миф, фарс, имитация, псевдолегитимный фор-

мально-юридический механизм воспроизводства власти. При этом самое опасное в том, что власть верит в созданные ею же самой мифы.

Свою роль в функционировании современной имитационной политической системы играют т.н. «оппозиционные партии». Они имитируют оппозицию. Именно имитируют, потому что прекрасно осознают, что сегодня у них нет ни малейшего шанса прийти к власти. И самое примечательное, что нашу «оппозицию» это вполне устраивает.

Пятое. Если говорить об отечественной многопартийности в целом как о социокультурном феномене, то ее следует рассматривать как один из важнейших элементов и признаков российской смуты. Само ее существование противоречит глубинным ментальным основаниям российской идеократии. И в начале, и в конце XX в. многопартийность сыграла разрушительную роль политической антисистемы, которая воплощала в себе различные способы уничтожения отжившей свой век формы империи.

Преодоление современной российской смуты неминуемо приведет к ликвидации многопартийности. Убедительным подтверждением этого тезиса является исторический опыт русской революции, завершившейся установлением однопартийной большевистской диктатуры. Такой исход оказался возможен потому, что большевики, предложившие массам адекватные их сознанию модели власти и социального поведения, сформулировавшие новый вариант имперской Идеи, вышли за рамки формальной партийности и стали, по словам Л.Д. Троцкого, «головным выражением национальной стихии».

В.П. Булдаков:

Хотел бы сделать уточнение по поводу идеологемы «самодержавие — православие — народность». Почему она появилась? Дело в том, что к началу XIX в. практически все российское высшее чиновничество было представлено масонами. Зайдите в Александро-Невскую лавру, на кладбище. Не туда, где похоронены Достоевский и Товстоногов, а напротив. Обратите внимание на знаки на могилах. Та же символика, между прочим, и на могиле Пушкина. Тогдашнее масонство, конечно, было совсем не тем, чем его сегодня изображают. Это была своеобразная мода, происшедшая от веры в просвещенный разум

в стране, которая жила по совсем другим законам.

В.Т. Логинов:

В. Соловей бросил мысль о том, что с некоторых пор у нас стали бояться писать и рассуждать о революции, опасаясь упреков в «провинциализме». Но подобные опасения как раз и являются проявлением провинциализма, ибо сегодня одним из наиболее влиятельных направлений на Западе как раз и является историко-социологическая школа «Теория революций». Из провинциальной ограниченности давно уже пора вылезать.

Помню, занесло меня как-то в Боливию. Мы ехали по поразительно красивым горным дорогам, а по сторонам чернели обуглившиеся фазенды. — Что это? — спросил я. — А это наши крестьяне жгли наших помещиков. У нас ведь крепостное право существовало до 1953 г. — А как они мотивировали поджоги имений, тех художественных ценностей, которые там были? — Они полагали, что если фазенду сжечь, то хозяин сюда уже больше не вернется и вся его земля достанется крестьянам.

Возьмите любой серьезный сборник документов по истории революции 1905–1907 гг., и вы увидите, что русские мужики в какой-нибудь рязанской глубинке рассуждали точно так же, слово в слово. Значит, есть некие общие закономерности революционных процессов.

Давным-давно вышли книги Эдвардса «Теория революций», Вульфа «Крестьянские войны XX в.», Бринтона «Анатомия революций». Бринтон сравнил революции XVII–XX вв. в самых различных странах и показал, что все они разворачивались по определенным законам и рождали весьма схожие учреждения и институты. Скажем, наша ЧК имела свои аналоги и в Голландии, и в Англии, и во Франции, и в Китае.

Увы, эти книги не переводятся. Зато переводятся описи из «исторической помойки». К примеру, суммарные тиражи «Ледокола» Суворова перевалили за миллион, а вот перевод с английского «Миф ледокола» Городецкого дотянул лишь до тысячи. Это — та же история, что и с «новой хронологией» Фоменко. У него тиражи за миллион, а ученые сборники «Анти-Фоменко» — 300–500 экз. А это уже издательская политика.

И она объяснима, ибо чем бы стали кормиться бесчисленные авторы книг и те-

лепередач о русской революции и «золоте Вильгельма» или американских долларах в 1917 г., если бы книга Г.Л. Соболева «Тайна “немецкого золота”», направленная против всей этой «исторической помойки», получила более широкое распространение.

Благодаря всеподавляющему напору «исторической публицистики», начинает вымирать сама профессия историка. Соловей написал как-то, что прежние поколения историков маялись над вопросами: «Что? Где? Когда?». А надо было заниматься вопросом — «почему?». В определенной мере он прав, хотя историки-профессионалы отвечали на этот вопрос. Но когда В. Данилов изучал причины краха столыпинской аграрной реформы или все перипетии сталинской коллективизации, он годами сидел в архивах, доходя в своем анализе до уезда и волости. Или возьмите Н. Ивницкого — «Судьба раскулаченных в СССР». За этой книгой опять-таки многие годы работы в архивах.

Сегодня это не модно. Сегодня появились историки-конструктивисты, которые, отвечая на вопрос «почему?», лишь переключаются кубики мифологем. И, выдвигая свои версии ответа на «почему», все время ошибаются в фактах, в том «что? где? когда?».

В вопросе «Революция и народ», который поставили вы, у нас вообще образовалась черная дыра. Социальную историю, которой прежде занимался Институт истории РАН, свели к изучению народного быта. Оно и понятно: отношение к народу как «быдлу» давно уже перестало быть признаком неинтеллигентности и мракобесия. Иначе откуда бы появились все эти труды о проходимцах и самозванцах, которые как хотели, так и вертели этим народом на протяжении всей его истории. А ведь не так все это было. Сегодня это звучит, может быть, и странно, но именно выбор народа определял вектор развития.

В свое время П. Сорокин сформулировал 4 условия успешности радикальных реформ. 4-е условие — они должны проводиться в рамках существующих законов. 3-е — они должны быть апробированы сначала в рамках какого-то региона, а уж потом распространяться на страну. 2-е — реформы должны иметь глубокое научное обоснование. Но 1-е и главное условие — реформы должны соответствовать «базовым инстинктам» народа, его менталитету,

то есть его представлениям о добре и зле, о желаемой цели.

Вот почему те, кто не считался с этим, терпели крах. Вот почему «великую реформу» 1861 г. крестьяне считали «великим обманом». Вот почему аграрная реформа Столыпина не только не решила аграрной проблемы, а лишь обострила социально-политический кризис в России. И вот почему Декрет о земле 1917 г., написанный самими крестьянами, решил земельный вопрос. А нэп сумел за считанные годы полностью восстановить в России довоенный уровень производства. Эта же причина объясняет столь тяжкую цену коллективизации и причины неудачи реформ 1990-х гг., которые народ не принял, но, будучи деморализованным, морально и политически опустошенным развалом страны и всеми последующими событиями, не смог оказать им сопротивление.

В. П. Булдаков:

Я согласен с тем, что мы не знаем свою историю. И нынешние культурологи и политологи этот процесс усугубляют. У современных студентов выдающимся социальным историком считается Б.Н. Миронов, который доказывает, что в результате виттевской индустриализации рост мужиков вырос на 2 см, а бабы, прощу прощения, пополнили на пару или больше кг. Убедительная аргументация! А один последователь Миронова недавно опубликовал в журнале «Российская история» статью «Николай II как реформатор». Человек, который вообще ни на что не был способен, был объявлен реформатором. Он, видите ли, был учеником Бунге.

А.И. Колганов:

Я видел книгу под названием «Революционер Николай II и консерватор Ленин».

В.П. Булдаков:

Давайте отвлечемся от нелепостей.

Е.С. Кравцова:

Я считаю, что неспособность власти реформировать структуру государства приводит к смутам и революциям. Волею судеб мне приходится заниматься налоговой политикой России на рубеже XIX–XX вв. В фискальном смысле мы были самым

отсталым государством в Европе. У нас сохранялось сословное налогообложение. В российской налоговой системе того времени имелся явный перекосяк в сторону косвенного налогообложения. Основное налоговое бремя несло нищее, неплатежеспособное крестьянство.

Когда возникал вопрос о проведении реформы налоговой системы, власть постоянно уходила в кусты. Первым, кто поставил вопрос о реформе налоговой системы, был Бунге. Но единственное, что он смог сделать, — ввести трехпроцентное промышленное налогообложение для промышленных и торговых предприятий. На рубеже XIX–XX вв. все очевиднее становилась необходимость введения подоходного налогообложения. Почему власть всячески противилась его введению? Потому что подоходному налогообложению должны быть подвергнуты все слои населения, в том числе привилегированные. А это в верхах далеко не всех устраивало.

Если мы посмотрим на программные документы политических партий, то там практически везде красной нитью проходит мысль о необходимости введения прямого прогрессивного подоходного налогообложения. В Думе депутаты просто кричали о необходимости реформирования налогообложения. Что делает власть? Она опять закрывает глаза. Только в 1916 г. вводится закон о подоходном налогообложении, который должен был вступить в силу с 1917 г. Но народ все поставил на свои места. Подоходный налог так и не заработал.

Можно ли говорить о том, что нерешенность налоговых проблем была одной из причин революции? Конечно, да. И, может быть, если бы власть потихонечку решала бы эти проблемы, то не было бы ни смут, ни потрясений, ни революций.

В.П. Булдаков:

Вы даже не представляете, как в 1920-е гг. крестьяне взвыли от большевистских налогов. И не будем забывать, что в России сохранялась община — очень удобный для государства в фискальном смысле институт. Государство поступало по известному принципу: что мне удобнее и проще, то и используем.